

Дженелл Уотсон

Нефтяные войны, или Внегосударственный конфликт
«по ту сторону линии»: шмиттовский *номос*,
делёзовская машина войны и новый порядок земли *

Аннотация. В статье на материале второй Войны в Заливе делается сопоставление концептов государства из работы Ж.Делеза и Ф.Гваттари «Тысяча плато» и «Номосе земли» К.Шмитта. Анализируя соотношение пар сильное/слабое государство и оседлое/кочевое, автор приходит к выводу о продуктивной роли новой формы *Jus Publicum Europaeum* в конституировании мирового порядка и непродуктивности концептов, предложенных Делезом и Гваттари.

Ключевые слова. Машина войны, *Jus Publicum Europaeum*, Война в Заливе, номос земли, номос моря, Карл Шмит, Ж.Делёз, Ф.Гваттари.

Благодаря Шмитту возможно по крайней мере тройное прочтение войн, которые велись между США и Ираком. Во-первых, в этих так называемых нефтяных войнах можно увидеть симптом описанного Джорджем Агамбеном мира лагерей, перманентного «чрезвычайного положения», которое он считает, заимствуя данное понятие у Карла Шмитта, новым *номосом* земли¹. Во-вторых, можно было бы сказать, что Саддам Хуссейн, а теперь – уже иракские повстанцы, соответствуют квази-теологическому понятию врага (а не *justis hostis*, справедливого врага) и что поэтому иракская война – это война вероучений, оправдываемая опасными апелляциями к моральным основам. В-третьих, можно утверждать, что с точки зрения Соединенных Штатов и их партнеров по коалиции Саддам был деспотом досовременного типа (premodern) и его режим не являлся подлинным государством. Для такого прочтения вполне уместно понятие «чрезвычайное положение». Образ «несправедливого врага» был предложен лишь с целью публичной легитимации войны. В данном эссе я обосную третий способ прочтения и покажу, что ситуация в Ираке представляет собой легализованный конфликт «по ту сторону линии», сопоставимый с колониальными войнами прошлого, которые, по словам Шмитта, «оставались вне» «ограничений» (рационализации, гуманизации, легализации) войны на европейской территории².

Выражение «по ту сторону линии» отсылает к шмиттовскому разделению планеты на суверенные государства и негосударства. Шмиттовское *Jus Publicum Europaeum* (дословно «европейское публичное право») обозначает европейский законный порядок, поддерживаемый равно суверенными государствами. Однако для Шмитта нациями, достойными считаться государствами, являются только те, которые строятся по модели суверенного, европейского, территориального государства, характерного для периода с 1492 по 1890 годы (р.148). Примеры негосударств того времени – Польша XVIII в. и Османская

* *Watson J.* Oil Wars, or Extrastate Conflict «beyond the Line»: Schmitt's *Nomos*, Deleuze's War Machine, and the New Order of the Earth // *South Atlantic Quarterly*. 2005. 104(2). P. 349–357.

© Duke University Press, 2005.

© Корбут А., 2009.

© Центр фундаментальной социологии, 2009.

¹ *Agamben G.* Means without End: Notes on Politics, trans. Vincenzo Binetti Cesare Casarino (Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000), P. 36–44. Сжатую критику этого способа прочтения см. в: *Müller J.-W.* A Dangerous Mind: Carl Schmitt in Post-War European Thought. New Haven, CT: Yale University Press, 2003. P. 229–232.

² Schmitt C. The Nomos of the Earth in the International Law of the *Jus Publicum Europaeum*, trans. G. L. Ulmen. New York: Telos, 2003. P. 309. В дальнейшем номера страниц будут указываться в скобках в основном тексте. [См. также: *Шмитт К.* Номос земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. – *Прим ред.*].

империя. Если использовать определения Шмитта, для Соединенных Штатов Ирак не был надлежаще организованным государством и поэтому не принадлежал в полной мере к порядку международного права. Санкции ООН подтвердили его недогосударственный статус в международном праве, разрешив вторжение правильно организованных государств, доминирующих в ООН. Это выводит войну на Ближнем Востоке за рамки межгосударственного порядка, как и в случае колониальных войн в эпоху глобального европейского господства.

Шмитт полагает, что горячо любимый им *jus publicum Europaeum* предотвращал разрушительные войны на европейской территории в течение четырех столетий именно потому, что мир был четко поделен на свободное море и окружаемую им упорядоченную и организованную сушу, которая, в свою очередь, делилась на два типа земли: зону, защищенную от кровопролитных войн (территория европейских государств под управлением международного права) и зону, в пределах которой европейские государства могли свободно захватывать землю и вести жестокие войны с несправедливыми врагами (территория негосударств) (р.172). Эти неевропейские земли, населенные «дикими», «полуцивилизованными» и «экзотическими» народами, лежат «по ту сторону линии», там, где не действуют правила международного права (р.93-94).

Данная разделительная линия играла ключевую роль в *jus publicum Europaeum*, подчеркивает Шмитт. С европейской стороны этой линии война «ограничивалась», то есть среди равно суверенных государств Европы война рационализировалась, гуманизировалась и легализовалась. По мнению Шмитта важно, что это ограничение сопровождалось разделением мира на пространство государства и пространство свободного негосударства: «Разумеется, войны между великими державами, гарантами определенного пространственного порядка, могут легко разрушить пространственный порядок, если они не ведутся за какое-либо свободное пространство и не в каком-либо свободном пространстве» (р.187*). С вступлением северо-американских и азиатских наций в семью могущественных суверенных государств, «разрушился, растворившись в некоем беспространственном универсализме старый пространственный порядок, а на смену ему так и не пришел никакой новый» (р.192**). Европейское международное право изменило свою структуру, когда «заморская колониальная территория стала неотличима от государственной территории в смысле европейской почвы», и подошло к концу, когда колониальная территория и государственная территория «были приравнены» одна к другой (р.199***). Иными словами, старое деление государство/негосударство, характерное для европейского колониализма, было необходимо для сохранения международного права и ограничения войны в Европе.

Шмитт обосновывал свое беспокойство ростом власти северо-американских и азиатских наций тем, что при этом стираются линии, отделяющие Европу от западного полушария с одной стороны и от Азии – с другой. Его тревожило, что европейскую территорию больше нельзя будет четко отделить правильными линиями от остального мира. Хотя утверждение Шмитта о ключевой роли законосообразного деления между землей и морем исторически безусловно оправдано, мне кажется подозрительным акцентирование непрерывности европейского массива суши. Его забота о территориальной целостности Европы мешает нам увидеть фундаментальную черту его *jus publicum*: оно было выгодно лишь тем государствам, которые обладали огромными технологическими преимуществами по сравнению со всеми прочими нациями своего времени. Мне кажется, сущность шмиттовского европоцентрического *номоса* заключалась не в проводимой топографом правильной линии на политической карте, как утверждал Шмитт, а скорее в принадлежности к клубу технологически развитых суверенных государств, к числу сверхдержав в сложившемся мировом порядке (р.146). Разделение на членов / нечленов клуба было важнее территориальной непрерывности отдельных членов.

* См. также: Шмитт К. Цит. Соч. С. 241. – Прим. ред.

** См. также: Там же. С. 251. – Прим. ред.

*** См. Там же. С. 264. – Прим. ред.

Я бы сказала, что США-центрированный *номос*, пришедший на смену шмиттовскому *jus publicum Europaeum*, все еще основывается на разделении между доминирующими государствами и слабыми странами, которые, в разной степени, но подчиняются сильнейшим³. Сегодня международное право применяется ко всем нациям, признаваемым международными организациями, например, ООН, но формулированием и осуществлением этого права занимается, в основном, расширенный круг полностью суверенных территориальных государств – преемников старого европейского порядка, закончившегося в 1890-е годы. Эти государства, к которым относятся США, Япония, Канада, Австралия, крупнейшие страны Европейского Союза и Россия, являются новыми сверхдержавами, состав которых приблизительно совпадает с составом G-8. Новое *jus publicum* G-8 эффективно делит землю на территорию тех государств, которые играют важную роль, и территорию за их пределами. Эта разделительная линия не является ни прямой, ни целиком официальной, однако она поддерживается теми мерами, с помощью которых институциональные структуры добиваются, чтобы международное право применялось по-другому на земле «по ту сторону линии», за бдительно охраняемыми границами могущественных стран. Последние являются основными кредиторами и работодателями, в то время как более слабые нации находятся в положении должников и наемных рабочих. Прохождение паспортного контроля в аэропорту любой из стран G-8 должно служить достаточным напоминанием о том, что государственные границы все еще имеют значение. Капитал тоже до сих пор считается с границами, поскольку, как писал Майкл Манн, «большинство беднейших стран мира недостаточно интегрированы в транснациональный капитализм, но „подвергаются остракизму“ со стороны капитализма, считающего их слишком небезопасными для инвестирования и торговли»⁴. С точки зрения Шмитта «свободное пространство» «по ту сторону линии» было необходимо для поддержания европейского порядка по эту сторону. Сегодня «свободный» рынок труда и капитал, подвергаемые остракизму по ту сторону линии, необходимы для поддержания стиля жизни G-8 по эту ее сторону.

В основании сегодняшнего разделения между международным порядком подлинно суверенных государств и всем тем, что находится вне его, лежит государственный суверенитет, гарантируемый не только территориальной целостностью и конституционной стабильностью, но и, что самое важное, минимальным порогом экономического потенциала на международных рынках. Межгосударственное право (резолюции ООН, межгосударственные соглашения) находится глубоко в тени международных экономических институтов (Всемирной торговой организации, Всемирного банка и Международного валютного фонда), контролируемых избранным кругом сверхдержав и приносящих им прибыль. Шмитт утверждал, что переход от политического к экономическому, который он связывал с Соединенными Штатами (р.235, 255–257), разрушил пространственный базис *номоса* земли, ввергнув мир в хаос универсализма. «Именно здесь, в экономике, старый пространственный порядок земли очевидным образом утрачивал свою структуру» (р.237^{*}). Я же, напротив, подозреваю, что Шмитт, акцентируя пространство земли, отрицал таким образом те экономические преимущества, которыми пользовалась его давно утраченная Европа.

Нефтяные войны на Ближнем Востоке ясно показывают, что территория слабых государств или негосударств легко может быть отделена от территории подлинно суверенных государств. В группе суверенных государств, более-менее совпадающей с G-8, было введено новое ограничение на войну: конфликты должны разворачиваться только на территории более слабых стран Ближнего Востока, Восточной Европы, Африки, Юго-

³ Шмитт кратко указывает на возможность того, что Соединенные Штаты поддерживают «основанную на балансе структуру прежнего номоса благодаря способности господствовать и на море и в воздухе» (*The Nomos of the Earth*, p. 355).

⁴ Mann M. Globalization and September 11 // *New Left Review* 12 (2001).P. 54.

* См. также: Шмитт К. Цит. Соч. С. 325. – Прим. ред.

Восточной Азии или Южной Америки. Эти государства являются «несправедливыми врагами», которые часто отказываются следовать правилам ограниченной войны, что доказывают хотя бы постоянные жалобы американских военных на незаконные вооруженные формирования, террористическую тактику и пытки пленных врагами из слабых государств и негосударств. Однако сложно представить себе межгосударственную войну между сверхдержавами на их собственной метрополической территории. Сегодняшняя нефтяная война больше всего напоминает колониальную захватническую войну, ведущуюся «по ту сторону линии» сильнейших суверенных государств (р.142, 163), но не ради оккупации территории, а с целью получения безопасного доступа к ресурсам. Мы имеем дело не с межгосударственными войнами между равными партнерами, а с войнами, в которых сталкиваются суверенные государства (Соединенные Штаты и их сильнейшие союзники) со слабыми государствами (Ираком).

По крайней мере с точки зрения США, Ближний Восток – это не пространство, признающее и соблюдающее международное право, а, скорее, пространство террористов, диктаторов, нефтяных принцев и шариатского беззакония. Точно так же, как *jus publicum Europaeum* способствовал учреждению европейской экстратерриториальности и консульской юрисдикции в Азии, *jus publicum G-8* позволяет добывать нефть в песках Ближнего Востока. Неписаное правило нынешнего *номоса* заключается в том, что если ресурсы находятся за пределами межгосударственного порядка сверхдержав, они могут быть присвоены сверхдержавами, но с помощью рыночных механизмов.

Межгосударственный нефтяной рынок не лишен пространственности. Хотя нефть находится под землей и транспортируется с помощью насосов и труб, она все равно принадлежит к земному пространству, поскольку нефтяные насосы и трубы должны располагаться на какой-то территории. Присвоение того, что течет под землей, является столь же важным, сколь и присвоение самой земли. Что действительно делает нефтяную войну наследницей колониальной войны, так это то, что в основе нефтяных войн лежит пространственный порядок (доступ к территории), а не моральный (как в религиозных войнах) – несмотря на то, что моральный порядок может привлекаться для публичного оправдания (цивилизаторская миссия в колониях, демократизация Ближнего Востока).

Энергетическая зависимость мира от нефти, особенно в сфере перевозок, придает пространственности еще большее значение. Нефть связана с пространственным измерением движения и скорости, поскольку она играет важную роль в перевозках, которые позволили Европе создать первый мировой порядок земли и которые до сих пор движут нынешним мировым порядком. Контроль над земным или морским пространством зависит от контроля над средствами перемещения в пространстве. Шмитт признает важность, которую получило для мирового порядка воздушное пространство с изобретением аэроплана и, в особенности, бомбардировщиков. Воздушное измерение трансформирует связь между землей и морем, в результате чего скорость становится еще более важной, увеличивая «скорость средств человеческой власти, транспорта и информации» (р.48)*. Дэвид Харви показывает, что война в Ираке согласуется со стратегией формирования проамериканских правительств на Ближнем Востоке, поскольку, по его словам, «тот, кто контролирует Ближний Восток, может контролировать глобальную экономику, по крайней мере, в ближайшем будущем»⁵. Тот, кто контролирует нефтяную вышку, контролирует землю, море и воздух и, в силу этого, контролирует так же поток информации, поскольку даже киберпространство требует электроэнергии и перемещений. Нет электричества и транспортных сетей – нет компьютеров и Интернета. А равно нет телефонов, кино и телевидения. Сегодня глобальная межгосударственная структура зависит от господства на земле, на море, в воздухе и в СМИ.

Поскольку движение является существенным пространственным аспектом нефти, шмиттовские понятия могут быть неадекватны для полного понимания нефтяной войны. Жиль Делёз и Феликс Гваттари, как и Шмитт, проводят территориальную границу между

* См. также: Шмитт К. Цит. Соч. С. 18. – Прим. ред.

⁵ Harvey D. The New Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 19.

государственным пространством и негосударственным пространством, которые они определяют, соответственно, как «оседлое» и «кочевое». Они пишут: «...Государство всегда находилось в определенных отношениях с внешним и глубоко зависит от этих отношений»⁶. Однако, если Шмитт фокусируется на правовых различиях между земным, морским и воздушным, то Делёз и Гваттари концентрируют внимание на способах организации различных пространств и на различных видах движения, возможных в каждом из них. В изборожденном* пространстве государства, говорят они, «поверхность замыкается и „размечается“ согласно определенным интервалам, предписанным разрывам». Напротив, в гладком пространстве кочевников «происходит „рассредоточение“ себя в открытом пространстве»⁷. Государство размечает изборожденное пространство, тогда как кочевники заселяют гладкое пространство. Проводя похожее разделение, Шмитт подчеркивает, что порядок и организация отличают землю, будучи противоположностью недифференцированности свободного пространства моря – по крайней мере, до тех пор, пока подводные технологии не изменят море, стерев разницу между войной на земле и войной на море, которая до этого была предметом правового регулирования⁸. Хотя Делёз и Гваттари согласны с тем, что море и пустыня исторически были более близки к гладким пространствам, любое пространство можно избородить, будь то пространство земли, моря, воздуха или цифровых сигналов.

Войну тоже можно понимать исходя из разделения оседлый/кочевник, утверждают Делёз и Гваттари, поскольку оседлые народы изобрели государство (греки, римляне), тогда как кочевники изобрели машину войны (Чингисхан). Даже если государство пытается присвоить ее, «машина войны экстерниорна аппарату Государства» и ее следует отличать от государственных вооруженных сил⁹.

Если суммировать вышесказанное с помощью понятий, предлагаемых в «Тысяче плато», то в своем описании успешного «ограничения» войны между сильнейшими государствами Европы Шмитт попытался определить условия государственной формы войны. Такого рода проект, вполне вероятно, уже изначально обречен на провал, поскольку (как постоянно повторяют Делёз и Гваттари) машина войны должна всегда оставаться экстерниорной государству, так как у нее совершенно иная логика и способ организации. Если номадическая машина войны действительно несовместима с оседлым государством, тогда, вероятно, войну нельзя рационализировать или ограничить, не вынеся ее за пределы государства, например, в Новый Свет. О чем говорит война в Ираке: о том, что машина войны несовместима с государством (идея Делёза и Гваттари), или о том, что существует государственная форма войны (идея Шмитта)?

Поскольку Делёз и Гваттари употребляют термин «государство» в ином значении, определяя его как то, что противостоит кочевникам и первобытным племенам, пространство Ирака Саддама Хуссейна было в этом смысле «государственным» пространством. Здесь требуются дополнительные различия. США соответствуют шмиттовскому представлению о европейском суверенном государстве. Ирак Саддама – неевропейское государство, существующее на периферии международного правового порядка. Постсаддамовских повстанцев можно сравнить с кочевниками. Если первая Война в заливе велась между международно сильным государством и слабым государством, то вторая Война в заливе стала конфликтом между государством и группой кочевников.

⁶ Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia / trans. Brian Massumi. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1987. P. 360.

* Речь идет о термине *strié*, введенном Делезом и Гваттари в «Тысяче плато», для которого в русской традиции перевода принят термин «бороздчатое». Однако здесь нам кажется более точным перевести его как «изборожденное».

⁷ Ibid., 481. В «Тысяче плато» *номос* — это гладкое пространство кочевников, в то время как изборожденное пространство государства есть *логос*.

⁸ Ibid., P.314. С точки зрения Делёза и Гваттари процесс расчерчивания борозд на гладком пространстве начался в 1440 году, когда португальцы открыли широту и долготу (p.479).

⁹ Ibid., P. 351–52.

Совмещая идеи Делёза, Гваттари и Шмитта, мы могли бы сказать, что в плане войны кочевники имеют три специфических преимущества перед государством: мобильность, высокий боевой дух и свободу игнорировать международные правовые акты, вроде Женевской конвенции. Однако, поскольку не все государства сотворены равными, иракских повстанцев нельзя сравнивать с великой кочевой армией Чингисхана. Если вспомнить, какими транспортными технологиями располагают США, постсадамовское негосударственное повстанческое движение не обладает преимуществом в плане мобильности, хотя ему не занимать боевого духа. Майкл Манн отмечает, что сегодня сверхдержавы теряют свое подавляющее военное превосходство над более слабыми государствами и негосударствами, поскольку, среди прочего, внутри них все сильнее становятся призывы к миру и неприятие человеческих потерь: «В последние годы США старались бомбить с безопасной высоты и избегать наземных операций – за исключением Войны в заливе, где есть пустыня и на кону стоит нефть». Повстанцы, напротив, рискуют жизнью: «Один чеченский боец, имеющий противотанковую ракетную установку за 200 долларов, может неожиданно появиться позади танка за миллион долларов и уничтожить его — при условии, что военные, управляющие танком, не захотят рискнуть жизнью и покинуть машину» (р.60)¹⁰. Придорожные мины и водители-смертники тоже оказались эффективным «оружием слабых», и вновь потому, что «кочующий» боец жаждет умереть, в то время как государство и его солдаты рискуют жизнью с большой неохотой. Оружие слабых игнорирует международные законы ведения войны еще и в том отношении, что направляется против гражданского населения, если военные цели оказываются слишком хорошо защищенными сильным государством.

Как отмечает Мануэль Деланда, некоторые исторические периоды благоприятствуют больше государственным вооруженным силам, нежели номадической машине войны, особенно когда технологические преобразования так же влияют на способность слабых государств сопротивляться своим более сильным противникам. Существуют огромные военные машины, которые могут позволить себе лишь государства, например, бомбардировщики-невидимки и танки, использующиеся сегодня на Ближнем Востоке. Кроме того, разделение между вооруженными силами государства и номадической машиной войны не всегда подходит. Современные армии заимствовали множество номадических тактик, вроде использования небольших самостоятельных подразделений, осуществляющих рейды, хотя государственное армейское руководство всякий раз с большим трудом отказывается от контроля над солдатами, позволяя им применять децентрализованные тактики кочевников¹¹. Столь же номадично явное стремление Пентагона использовать в качестве театра военных действий пустыню, а не лесистые горы. Легко представить себе, как Дональд Рамсфелд мечтает о номадической войне в гладком пространстве иракской пустыни. Будь проклято государство, которое не разрешит его солдатам вести себя как воины. Будь проклято международное сообщество, которое никогда до конца не признает Ирак негосударственной землей – пространством, в котором не действует международное право.

Гуманизирующая, рационализирующая и легализующая деятельность государства, позитивные результаты которой Делёз и Гваттари отказываются признавать, по сути связывает руки моему воображаемому Рамсфелду международным правом и политикой, например, Женевской конвенцией, в итоге ограничивая войну, даже если могущественное государство сражается «по ту сторону линии» на территории такого негосударства, как разрушенный Ирак. Сегодня международное сообщество и его институты по поддержанию правил ведения военных действий являются колоссальным препятствием для наиболее сильных государственных армий, которые хотели бы использовать разрушительные тактики кочевников или истребить коренное население, – для этих современных номадов.

Поэтому было бы ошибкой описывать нынешнюю войну в Ираке как конфликт между кочевниками и государством. «Победа» повстанцев в Ираке означала бы не триумф номадов,

¹⁰ Mann M. Globalization and September 11. P. 59.

¹¹ Delanda M. War in the Age of Intelligent Machines. New York: Zone, 1991. P. 79, 82.

а, скорее, появление еще одного слабого государства, исламского правительства, которое отказалось бы быть государством-должником, каким его хотят сделать Соединенные Штаты. Любой тип слабого государства был бы проблематичен, но сложно представить себе триумф кочевников, который смог бы обеспечить достойный уровень жизни большинству иракцев. Предполагать, что кочевники спасут от государства, – значит неправильно читать Делёза и Гваттари, которые предостерегают: «гладкие пространства сами по себе не приносят свободу», добавляя: «гладкого пространства недостаточно, чтобы спасти нас»¹².

Хотя я думаю, что акцент на движении, который делают Делёз и Гваттари, содержит в себе большой потенциал для анализа пространственной организации нынешнего *номоса* земли, их идея машины войны имеет множество недостатков, не последний из которых заключается в том, что она была предложена больше с целью защиты определенных научных и философских практик, чем критики современных способов ведения войны¹³. Делёз и Гваттари с такой страстью опровергают мнение о том, что все культурные и интеллектуальные достижения обязаны своим появлением государству, что не удосуживаются указать на достоинства государства. Если позитивная роль государственного *jus publicum Europaeum* заключалась в ограничении войны в Европе, то вклад *jus publicum*, созданного G-8, заключался в ограничении войны «по ту сторону линии». Но должен ли мировой порядок суверенных государств и дальше проводить данную линию, деля мир на правящих и подчиненных? Делёз и Гваттари высказались бы за стирание этой линии, в то время как Шмитт стал бы ее защищать во имя ограниченной войны. Возможно, их взгляды были слишком окрашены эйфорией 1968 года, с одной стороны, и отчаянием, вызванным холодной войной с ее атомной угрозой, с другой. В настоящий момент я поддерживаю идею ограничения войны с помощью Женевских конвенций, но надеюсь, что следующий *номос* объявит незаконными любые бомбежки более слабых государств в экономических интересах более сильных держав.

*Перевод с английского А. Корбута
Под редакцией А. Филиппова*

¹² *Deleuze and Guattari. A Thousand Plateaus*, P.500.

¹³ Обсуждение противоположности государственной науки и номадической науки см. в главе «Тысячи плато», посвященной машине войны: *(A Thousand Plateaus. P.361–374)*.